

ВИТАЛИЙ БУШУЕВ

**ЖИВУ.
ЗОВУ.
ПОМНЮ.**

ИЗБРАННЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

16+

Виталий Бушуев
Живу. Зову. Помню

«ЛитРес: Самиздат»

1999

Бушуев В. В.

Живу. Зову. Помню / В. В. Бушуев — «ЛитРес: Самиздат», 1999

В данное издание включены избранные стихотворения автора, отражающие как моментальные события и впечатления, так и философские размышления о космической сущности Человека, о спиральных жизненных путях, о предистории и будущем России, о себе и близких людях, в единении с которыми смысл бытия. Автор через призму собственной жизни, собственной памяти, собственного мировосприятия обращается к читателю, призывая и его стать не частицей мироздания, а равновеликим Космосу.

Содержание

1 000 000 000	11
Я – концентрат всего земного	12
Здравствуйте	13
Мы похожи на черепах	14
Поэт – это тень мира	15
Идейность и деятельность	16
Вновь подо мною земля	17
Ветер шершавой ладонью	18
Моя сума, что названа судьбой	19
Люди во власти пороков	20
Нам, любящим давать	21
Человек – не вещество	22
Жить любя	23
Не к другим, а к себе	24
Собрание	25
Я – одна из звезд	26
Меж тем, что было	27
На Востоке – алая рань	28
Нет, не быть поэту	29
Жарко	30
А солнце всадником	31
На звезды глянешь	32
Стоит туман	33
Назидание	34
Многомиллионным массам	35
Пусть я не стану идолом ничьим	36
Я не убит	37
Мы скованны привычками	38
Белое – черное	39
Жизнь – не стойло	40
Я – многокоординатен	41
Работать – чтобы есть	42
Пуржит по улицам и душам	43
Судьба – она как загнанная лошадь	44
Я не люблю ходить наискосок	45
По шершавому снегу	46
Дождь. Дрожь	47
Жизнь – не созвездье улыбок	48
Безделье хуже чем боль	49
Вверху – одинокие звезды	50
Кружево	51
А самолеты сами не летают	52
Земля покой свой потеряла	53
Что человек в сравнении с Вселенной	54
Я и Мы – это вечная тема	55
Если что-то в жизни не с руки	56

Напрасно весла бросил ты	57
В далекой сказке	58
Горит на беломраморном снегу	59
Гладкие ладони	60
Чтоб в жизни не было обмана	61
Я не пишу поэм	62
Могу себя я уважать за то	63
Последний вскрик солнца	64
Догорают в камине поленья	65
Много	66
По мне	67
В текучке дел и дней	68
Говорить неправду	69
След	70
Зерна слов	71
Кто Я?	72
Я – Нечто	73
Выразить себя	75
Надо	76
От злости не рождаются стихи	77
Чужое «Я»	78
Рожденным быть	79
Жизнь – цветной калейдоскоп	80
Палитра	81
Цвета	82
Море	83
Утоли мои печали	84
Стол	85
Сердце	86
Я ощущаю искомканность сердца	87
Неподвижность	88
ЦКБ	89
Октава	90
Обруб	91
Вверх	92
Последний год дано мне пережить	93
До цели	94
«Третий глаз»	95
В черном вальсе закружился город	96
Быть	97
Изъясняюсь сухо и пространно	98
Я – потомок Огня	99
Дуб	100
Судьба и воля	101
Ветер по крышам зубами скрежещет	102
Что Истина?	103
Приобретения	104
Звук звезды	105
Год назад	106

Все-не вдруг	107
Нечет – чет	108
Зачем к тому скоплению стихов	111
Мне было 20 лет когда-то	112
Распахнуто окно	113
Грустят о прожитом глаза коровьи	114
Четыре строки	115
Мы от Зевса и Геры	116
Это очень непросто	117
Бегут по полям автострады	118
Голубее голубой голубы	119
Счастье вскричало	120
Мы чтим святых	121
Ко мне в раскрытое окошко	122
Луна всю ночь читала мне стихи	123
Господи! Ты мне снишься ночами	124
Белая коралловая прихоть	125
Как другому – не знаю	126
Что-то хищное в нас – человеках	127
На белый снег ложатся	128
Из земли растет	129
Солнце проплыло	130
Повторимость	131
На стеллажах расставлены тома	132
Я никогда не верил богу	133
Волна волнуется	134
Дух поэзии так редок	135
Сказки	136
Оригинальность	137
Летают неопознанные блюда	138
Мне мало, мало, мало, мало	139
Рассвет уткнулся мокрыми боками	140
Христу и Ярилле как правнук	141
Мы похожи на муравьев	142
Наука – лишь катализатор жизни	143
Мы тщимся слышать, не желая слушать	144
У каждого из нас есть право жить	145
В проявлениях жизни	146
Я еще не разучился плакать	147
Ты – беспечно, Вечное Небо	148
Огнепоклонцы	149
Артисту	150
Слой облаков по-весеннему тонок	151
Что человек – пигмей в своем величьи	152
В гладких строчках не выразишь боль	153
Играет солнце в белых кружевах	154
Мы часто бесполезно обсуждаем	155
Уму дано лишь частности понять	156
3 и 7 – магические цифры	157

А есть ли то	158
Воображенье, не играй со мной	159
Ночь взгромоздилась на плечи домов	160
Фланируют яркие тени	161
Слова	162
Божество – убожество	163
Я вчерашним быть бы не смог	164
Стремится вверх воздушный шар мечтаний	165
Мне сняться звоны колокольные	166
Слово потомка	167
Буква «О»	168
Еще раз про «О»	169
В воздухе предчувствие погони	170
Вечер розовый	171
Видно душу	172
Нет, не боюсь я перехода	173
Совесть	174
А время тает словно лед	175
Душа – как воздух	176
Вечер	177
Если закат красив	178
Раннее утро выгнулось шеей лебяжьей	179
Заневестились яблони	180
Как тягостны минуты ожидания	181
Сообщенье – это со-общенье	182
Конец ознакомительного фрагмента.	183

Виталий Бушуев
Живу. Зову. Помню

1 000 000 000

Мы
соединяемся
как нули в билион.
Был ли он
или только снится,
определит
верховодящая единица -
идея.
А где Я?

Я – концентрат всего земного

Я-
концентрат всего земного
и всех космических начал,
судам из прошлого – причал,
грядущим тайнствам – основа.
Я – луч и тень
в пространстве тьмы,
Я – эхо в громогласном Мы.

Здравствуйте

Здравствуйте. Я -
миллионоподобен
как следы от галош,
но отпечатками души -
индивидуален.

Дуален я:
снаружи – ломовая лошадь,
внутри -
вуалью тая
стихи – мой допинг.

Мы похожи на черепах

Мы похожи на черепах -
мысли нежатся в черепах,
голос собственный к горлу присох,
и чуть что – головой в песок.
Серый панцирь ты не брани,
он нас прячет надежней брони,
он под цвет неприметных щелей,
где пройдет наша тыща лет.

Поэт – это тень мира

Поэт – это тень мира,
но как часто лишь в тени
нам становится яснее
особенности солнца.

Идейность и деятельность

Идейность
и деятельность -
синонимы.

Кто как не мы
не можем быть немы.
Но не только крича
в каждодневных речах,
в руки взяв молоток и зубило,
пока сытости накопъ
нас не сгубила,
срубили ее,
чтоб заалели знаки
нашего изначалия –
ч-е-л-о-в-е-к

Вновь подо мною земля

Вновь подо мною земля.
Смогу ли я
не просто лицезреть триптих:
природа,
человек
и дело его рук,
а свой оставить штрих,
не нарушающий гармонию картины,
где я – на месте середины,
а все прекрасное – вокруг.

Ветер шершавой ладонью

Ветер шершавой ладонью
треплет зеленые косы берез.

Моя сума, что названа судьбой

По Вересаеву

Моя сума, что названа судьбой,
полна работы грязной, но святой.

Люди во власти пороков

Люди во власти пороков,
лености мыслей и дел.
Вот почему у пророков
распятость – вечный удел.

Нам, любящим давать

Нам, любящим давать
правоученья,
не следует о том лишь забывать,
чтоб высказать любое изречение,
нужна сначала мысль,
потом – слова.

Человек – не вещество

На полях книги

Мухтара Шаханова

Человек – не вещество,

а существо.

Тело – это только оболочка.

Главная же суть его -

душа, как набухающая почка.

Жить любя

Жить любя -
значит: волненьям не знать конца,
себя найти в общей массе людского
забега.
Что такое Отечество
как не образ отца,
вставшего на уровень века.
Любить его -
значит, встать за честь его.
Но можешь ли ты любить человечество,
если не любишь одного человека,
не считая себя.

Не к другим, а к себе

Не к другим, а к себе
будь особенно строг,
человек,
одноразовый сын человечности.
По ухабам и рытвинам
старых дорог
не добраться
к прекрасным созвездиям вечности.
Но не жди, не скули,
понукай лишь себя,
разгребай и тори и трамбуй
свою трассу.
Ведь на то и дана человеку судьба -
строить путь, по нему не проехав
ни разу.

Собрание

Стынет кофе.
Дохнут мухи.
Льются речи – бормотухи.
Мысли – в профиль,
звуки в стену.
Слов картечь и дремы пена

Я – одна из звезд

Я – одна из звезд, неоткрытых потомками,
потемками судьбы
пробираюсь в будущее.
Буду еще непохожей,
чем крапива на гладиолус,
голос мой – это эхо
судьбы человеческой.

Меж тем, что было

Меж тем, что было и что будет
сиюминутное «теперь»,
оно как дверь в моей хлабуде,
незапираемая дверь.
Дано мне лишь наружу выйти,
дано другим в меня войти.

На Востоке – алая рань

На Востоке – алая рань,
а на Западе – вялая синь.
Луч рассветный,
ночь протарань,
лаву солнца вниз опрокинь.
Обращен я лицом на Восток,
Где, бунтуя, рождается утро,
где сегодняшней жизни исток,
зачатой непорочно и мудро.

Нет, не быть поэту

Нет, не быть поэту
председателем шара земного,
слово массам не заменит мяса,
и какая-нибудь яркая обнова
часто веселей стиха гримасы.

Жарко

Жарко. Я,
ногами шаркая,
бреду
в усталостном бреду.
В одном ряду
со мной весь люд земной.
И солнечный кларнет
жжет в такт ногам,
но как фотону нет
покоя нам.

А солнце всадником

А солнце всадником
на спину гор забралось,
как после боя приоткрыв забрало.

На звезды глянешь

На звезды глянешь:
раз-два и обчелся,
а на земле – огней многоочие,
как будто горящим сердцем прошелся
по каждому дому и улице к ночи я.

Стоит туман

Стоит туман
о землю опершись.

Назидание

Кто б ни был ты, рабочий иль поэт,
тебя ничто не может не касаться.
Твоею сутью станет пусть завет:
сначала – быть,
потом – казаться.

Многомиллионным массам

Многомиллионным массам
не до Хлебникова и иже с ним.
Ее пятикнижием
служит ностальгия о мясе,
об ордере на собственное жилище,
о зарплате,
которой всегда не хватает.
Огонь каждодневных зевот
бьется о душ пепелище,
и в холоде вечных забот
прозрачность и призрачность тает.

Пусть я не стану идолом ничьим

Пусть я не стану идолом ничьим,
в энциклопедии
мне место не найдется,
но я в грядущем буду различим
тем, что о нем
сегодня сердце бьется.

Я не убит

Я не убит,
а выращен войной,
и с молоком,
не столь уж, правда, частым,
впитал в себя,
что небо надо мной
без крика «воздух»
называют счастьем.

Мы скованны привычками

Мы скованы привычками – тюрьмой
для нашего порывистого нрава,
не ходим равномерно по прямой -
бросаемся налево и направо.

Белое – черное

Белое – черное,
черное – белое,
заледенелое
и обгорелое -
надвое расчерченное.
В этой картине
я – посередине.

Жизнь – не стойло

Жизнь – не стойло.
Наличность перебирая,
в ожидании рая
под брюхом скребя,
жить бы не стоило.
Сумей
себя родить как Личность,
не увлекаемую бытия течением,
а живущую – с увлечением.

Я – многокоординатен

Я – многокоординатен.
Порывистое «Нате!»
и виолончелизм Петрарки,
чарку старки -
и в постель.
Пастель смирения
и яркость Первомая -
все принимаю,
все – мои измерения.
И только одно
не найдет места
в моей груди,
это – остановиться на полпути.

Работать – чтобы есть

Работать – чтобы есть,
а есть – чтобы трудиться.
Коль цель такая есть,
то... стоило родиться.

Пуржит по улицам и душам

Пуржит по улицам и душам,
баррикадируя пути,
а ты иди, иди и слушай,
себя молчанием буди.

Судьба – она как загнанная лошадь

Судьба – она как загнанная лошадь,
босыми пятками я бью ее в бока -
ни с места.
А другой-
идет в калошах,
идет и топчет в лужах облака.

Я не люблю ходить наискосок

Я не люблю ходить наискосок,
мне катеты милей гипотенузы,
пусть дальше путь, зато прямей,
и юзом
не надо добывать себе кусок.

По шершавому снегу

По шершавому снегу,
огрызаясь судьбе,
я не в теплую негу -
продираюсь к себе.

Дождь. Дрожь

Дождь. Дрожь.
Вождь. Вошь.
Ждешь. Лжешь.
Хоро-о-ш.

Жизнь – не созвездье улыбок

Жизнь – не созвездье улыбок.
Что-то в прошедшем кляня,
методом проб и ошибок
Время взрастило меня.

Безделье хуже чем боль

Безделье хуже чем боль,
как моль
разъедает,
и тает
привыкшая к ритму жизнь.
Мужись,
не дай покою и невесомости
себя побороть,
на обороте
предыдущей страницы
сохраниться сумей,
либо заново
напиши себя.

Вверху – одинокие звезды

Вверху -
одинокие звезды,
и море огней -
подо мной.
На небе не вымерить
версты
без точки отсчета
земной.

Кружево

Кружево
света и тьмы,
мир-
это ритмы...
и мы.

А самолеты сами не летают

А самолеты сами не летают,
а теплоходы сами не плывут,
маршруты им заранее выбирают,
их штурманы по компасу ведут,
а нас...

Земля покой свой потеряла

Земля покой свой потеряла,
а я – тем более.
Во мне не граммы материала,
а тонны боли.
Я – фильтр
для всех земных страданий
и смут сердечных,
хотя мой век, увы, случаен,
земной же – вечен.

Что человек в сравнении с Вселенной

Что человек в сравнении с Вселенной –
ничтожно мал и вес его и рост.
Но взглядом мимолетным он мгновенно
в себя вбирает мириады звезд.

Я и Мы – это вечная тема

Я и Мы – это вечная тема,
восходящая к древним умам.
Бунт команды – и гибнет трирема,
если руль неподвластен рукам.
Я – ничто, но и Мы – это нечто,
где не просто найтись самому,
и вопросы встают бесконечно,
обращаясь к душе и уму.

Если что-то в жизни не с руки

Если что-то в жизни не с руки,
то в затылке пальцами скребя,
не жалея ты одного себя,
не вали вину всю на других.
И не надо на глазах у толп
биться лбом
о первый встречный столб.

Напрасно весла бросил ты

Напрасно весла бросил ты, гребец,
надеждой на течение уповая.
Послушность и безропотность сердец
нас к берегу чужому прибывает.

В далекой сказке

В далекой сказке
отразилось эхо странствий,
и в завтра
нас увозят поезда,
и сгустком памяти
в неведомом пространстве
рождается сверхновая звезда.

Горит на беломраморном снегу

Горит на беломраморном снегу
зеленая обломанная ветка
как знак беды,
которую так редко
мы замечаем на своем бегу.
И снег не тает от чужой беды
А ты?

Гладкие ладони

Линии наших ладоней -
нашей судьбы отражение.
А ладони дедов моих удивительно гладки:
стерты линии у одного -
вечным земли притяжением,
у другого отполированы
станка металлом рукоятки.
У отца линии смяты
черенком саперной лопаты.
На свои ладони гляжу -
прямые черточки подстать карандашу.
Пусть судьбы были у всех
разные самые,
пусть судьбы были у них
очень негладкие,
ладоням нашим
работа была кормящею мамою,
работа ладоням нашим
была повивальною бабкою.

Чтоб в жизни не было обмана

Чтоб в жизни не было обмана
и был бы сам себе не рад,
я даже в шахматах не стану
брать ход ошибочный назад.
Пусть уж лучше поражение
сотрет улыбку мне с лица,
чем победить но с сожаленьем,
что честным не был до конца.

Я не пишу поэм

Я не пишу поэм
не потому, что скуден
запас идей и тем.
Нет в круговерти буден
ни времени и ни охоты
читать длинноты.

Могу себя я уважать за то

Могу себя я уважать за то,
что не пытался с краю отсидеться.
В большом и малом,
сложном и простом
я оставлял частями ум и сердце.
И оттого не становясь бедней,
наоборот, себя приумножая,
итожа дни как сводку урожая,
я не стыжусь не
зря прожитых дней.

Последний вскрик солнца

Последний вскрик солнца,
закрытого тучами,
к земле обращен:
Товарищи!
Пусть вспыхнет листва
краснотою знамен,
мрак нависающий
раздвиньте плечами своими
могучими.

Догорают в камине поленья

Догорают в камине поленья,
стихла буйная пляска огня.
Ты сидишь у меня на коленях
словно отсвет вчерашнего дня.

Много

Многословие. Многострочие.
Многоречие. Много...точие.

По мне

По мне:
все люди – боги,
а я – один из многих.

В текучке дел и дней

В текучке дел и дней
что – истинно,
что – ложно?
понять себя – сверхсложно,
а выразить – сложнее.

Говорить неправду

Говорить неправду -
это так необременительно,
как целовать нелюбимую женщину.
Воздержусь от поцелуев -
ибо то,
что легко дается,
своей лживостью
разъедает душу.

След

Меж двух огней нет места травостоя,
меж небом и землей
душе покоя нет.
Я лишь тогда чего-нибудь да стою,
когда сквозь пепел лет
мой прорастает след.

Зерна слов

Я – не поэт,
а стихотворец.
Дворец небытия храню.
Роняю
зерна слов я
Время-воронью,
чтоб сторицей
вернуть их в виде чувств.
Учусь
явленью строк
и логике мечты.
Четы такой чертог -
защита от стихии бытия -
и есть
стихи.

Кто Я?

Гляжу в окно на завтрашние дебри -
вместилище заблудших тел и душ
и вижу заратустровского вепря,
упившегося кровью свежих туш.
Чему-то пасть,
чему-то начинаться,
делясь у вековечного столба:
ему – повелевать,
им – подчиняться,
Он – Супер-Гомо, а они – толпа.
Но в этой связке для меня нет места:
из зверя – вырос,
а в толпу – не пал.
Мать матерей – она моя невеста,
мне Данко – брат,
и враг – Сарданапал.

Я – Нечто

Иных страшит самосознание,
что он – Ничто в кольце миров.
Я – Нечто.
Дух святой в изгнании,
не тратя сил на прозябанье,
здесь
наломал немало дров.
Вскормленный замыслом небесным,
познав Земли живую суть,
мне ставшей одеялом тесным,
вступаю Я
на Млечный Путь.
Не оробею перед вечным
круговращением светил,
не оробею перед встречным,
хотя б он смертью мне грозил.
Что смерть -
всего лишь смена тела.
Была бы мысль,
была б душа,
опережающая дело
и позволявшая дышать
то звездной пылью,
то – земною,
то – ароматом древних книг.
Живу космической весной
и зрю ее грядущий лик.
Но Дух натягивает вожжи,
у врат отцовских тормозит;
и мысль одна меня тревожит,
кто Я-
творец иль ... паразит,
чем Я дополню ноосферу
сверх утверждения
«Он – жил»,
какую пламенную веру
в свои деяния вложил.
Не занимался скопидомством -
Я – чист от материальных благ,
одно оставил Я потомству:
бесцельность -
самый злейший враг.
Стихи, стихии, стихииали -
живут, наполненные мной.
Я – не фатален, не нахален -
живу космической весной.

Выразить себя

Богат словами русский лексикон,
в нем матерность соседствует с величием.
Но чьи слова поставлю я на кон,
чтоб выразиться так, как в пенье птичьим
звучит тональность неба и планет,
вечерний миг и утренняя роза.
О, сколько тех, кто значится – поэт,
а сам – к кормушке, где сытнее просо.
Не просто стих с мелодией сплести,
о сущности единства их радея;
не просто дух на небо вознести,
а выразить себя -
еще труднее.

Надо

Иные – уходят,
иные – далече,
а мне пустота -
тяжким грузом на плечи,
и мыслей нелегких
и слов – канонада.
Но выдержать – надо,
но вынести – надо.

От злости не рождаются стихи

От злости не рождаются стихи,
не вспыхнут молнии
от яростного крика.
Одна только крылатая квадрига
несет всю необузданность стихий.
Не голоса истошно,
не взывая
к всевышнему в горячечном бреду,
я должен сам продраться сквозь беду,
держась за поручни летящей колесницы.
Наружу боль выходит,
и лоснится
душа от пота, мыслью созревая.
Нарушу скорость светового блика
и догоню угасшую звезду.

Чужое «Я»

Чужое «Я»
присутствует во мне
как некая неведомая Чакра,
меня перемещая по волне
от микро-Эго и до Космо-макро.
Я вновь зоны жизни прохожу:
Огонь, Эфир и Твердь, и Минералы;
но голосом каким я расскажу,
как оживают зыбкие кораллы,
как ноги вырастают из корней
и голова мутирует на теле,
как ошибались Дарвин и Линней
и что произошло на самом деле,
как появился протогоминид
и научился вертикальной стойке,
чью гармоничность мозг пчелы хранит
и отражает в сотовой постройке;
что значит бого-духо-человек,
меня влекущий мнимым единеньем,
за коим хаотичен новый век
в своем неодолимом повтореньи.
Мой путь реинкарнирован судьбой,
«Я» и «не-Я»
лишь видимо раздельны.
Но чтоб остаться мне самим собой,
должны мы быть предельно однотельны;
ведь «Я» -
зеркальный образ Бытия.

Рожденным быть

Рожденным быть -
необходимо время.
Переродиться -
можно и за час.

Жизнь – цветной калейдоскоп

Жизнь – цветной калейдоскоп
чьих-то помыслов и действия,
неба радужный соскоб
на шпигеле Адмиралтейства.
Но раскрашенный бедлам
не сулит мне цельной доли,
разломаюсь
пополам
на чет-нечетность юдоли,
полюсами проглянусь
и, ликуя, опечалюсь,
оттолкнусь и потянусь
к белосветному началю.

Палитра

Семь цветов -
начало всей палитры,
синтез их – свет Белого Луча.
Никакие мощные юпитеры
в глубине небес не различат
тонкие оттенки новых красок.
Все сводимо к тем семи цветам.
Отчего ж в душе моей
гораздо
разномастной
цветовой бедлам:
розовый хитон японской вишни,
чароита черная сирень,
лик рассвета,
коим сам Всевышний
по утрам рисует новый день.

Цвета

Сиреневый,
малиновый
и желтый -
тональные цвета моей души.
И на вопрос -
чего же в них нашел ты,
палитру остальную потушив,
отвечу:
выбор мой – не самоприхоть,
а просто отражение глубины,
где в сумерках царит неразбериха,
и краски -
как предчувствие
луны.

Море

А море не на шутку расшумелось
за то, что я себя предостерег.
Ведь надобно иметь шальную смелость,
чтоб плыть не по волнам, а поперек.

Утоли мои печали

«Утоли мои печали»,
удали
из помятой бытом памяти грехи,
дай мне то,
что не имеют короли -
чувство утра, чем владеют петухи.

Стол

Четыре стены
и свисающий вниз потолок.
Над хаосом мыслей едва возвышается стол
Я столько на нем необычных идей истолок,
что он для меня -
равноправно – тюрьма и престол.

Сердце

Хочется быть добрыми,
обливанными коровою,
а сердце – скомкано ребрами,
болит... как здоровое.
Ему взаперти – не хочется,
ему б – на ветра на вольные,
ему бы – не Данковы почести,
а песни – багряно сольные.

Я ощущаю искомканность сердца

Я ощущаю искомканность сердца,
бьющегося о грудь.
Вольную дать бы,
но где же та дверца,
чтобы назад возвратить.
Порознь же нам
ну никак невозможно,
хоть и болит,
но... свое.
Холодно – жарко,
легко и тревожно -
это и есть бытие.

Неподвижность

Озябшее утро
целует небритые щеки,
готовя мне встречу
с цветущим черемухой днем.
Глаза
в ожидании белого марева -
в шоке,
и грудь омывается
свежехолодным огнем.
На ветке
грачи репетируют
страстные звуки,
и небо
как классная дама
вздыхает: «пора».
Но я-
неподвижен,
и сердцем спеленуты руки,
и калий по вене -
подобьем тупого пера.

ЦКБ

(цикл космического бдения в Центральной клинической больнице)

Мысли стерильны словно больничная простыня,
только в углу
разухабисто выставлен штамп.
Вот и дождался я того судного дня,
что порешит -
здесь мне быть -
или там.
Я не скулю.
Что предназначено -
будь.
Ропот листвы так призывно взывает ко мне.
Я выбираю четвертый неизвестный путь,
не убоявшись насмешек и града камней.
Эта дорога -
к себе.

Октава

О небо, яростным пожаром
мой миг последний – не томи.
Пусть суждено мне высшим даром
сыграть всего лишь: до, ре, ми...,
и я их отыграл -
без фальши.
Они влились в немую высь.
Но чтобы не фальшивить дальше,
скажу себе – остановись.
Уйду с малиновым закатом
угомонившейся красы, чтоб вновь почувствовать
когда-то
озноб предутренней росы.
Пройдя года и расстоянья,
набравшись замыслов и сил,
тогда я буду в состояньи допеть свои: фа, соль, ля, си...

Обруб

Мне надоело жалобы выслушивать,
из хаоса разумное выживать,
мне надоело дни свои выслуживать,
запал души
на сквозняках выстуживать.
Пусть дерево для будущего спилено,
обруб
всегда честнее,
чем извилина.

Вверх

Всю жизнь я в гору шел
и думал:
солнце – там,
за гребнем,
стоит лишь осилить перевал.
Их было много -
горных ступеней.
Но цели я желанной -
не достиг.
А рощи, полные плодов,
росли внизу...
И все же
путь мой -
только вверх.

Последний год дано мне пережить

Последний год дано мне пережить,
а после – в форму поля я истаю
и буду с белым облаком дружить
и догонять гусей летящих стаю.
Не словесами
научусь вещать,
а буду мыслепеньем изъясняться
и силой духа стану возвращать
себя в края,
что нынче только снятся.
А на земле –
оставлю я детей,
тома своих писаний-упражнений;
пусть память обо мне хранят все те,
кому помог я встать на путь решений.
Свою задачу –
я не дорешал,
теперь она намного усложнится.
Но я перед ответом – не дрожал.
И ты – слезой не увлажняй ресницы.

До цели

Когда идешь без цели -
тяжело,
и надрываясь, пульс в аорте бьется;
вдруг что-то за грудиною зажгло,
и в сердце боль того-гляди вопьется.
Присядь, передохни, определись,
куда
дойти тебе сегодня надо;
и с этой мыслью смело поднимись.
Достичь задуманного -
лучшая награда.
Вновь сила появляется в ногах,
и ретивое – бьется в упоеньи,
и побежденным уползает страх,
а вместе с ним -
тревоги и сомненья.
Навстречу цели -
радостно идти,
сознание вперед меня толкает.
А если...
оборвется что в груди,
то ты меня за это -
не суди,
ну что поделать,
знать, судьба такая.
Ты за меня до финиша дойди.

«Третий глаз»

К тому, что не имел, -
я равнодушен,
жалею лишь о том,
что потерял.
До-нельзя
«третий глаз» мне нынче нужен,
что расширял мой зримый ареал.
Мне предками завещана возможность
за видимостью
глубже различать
не только мира показную сложность,
но истины – прозрачную печать.
Я видел души гор и мысли моря
и безначальность жизненных основ,
я различал друзей за чашкой горя,
лукавость слов и безнадежность снов.
Мой «третий глаз» предвидеть мог напасти,
мог видеть,
что могло, но не сбылось.
Пусть не всегда в моей бывал он власти,
но он не врал, как ныне повелось.
Себя узрел я внутренним виденьем,
грехи свои и свой спиральный путь;
а ныне –
я зажат казенным бденьем:
гляди – лишь «в оба», а о нем забудь.
Моя трехглазость стала рудиментом
(хоть торжествуй, хоть от тоски кричи);
довольствуясь лишь видимым фрагментом,
я к подсознанию потерял ключи.
И плоский мир ко мне стал равнодушен,
скукожился мой зримый ареал.
Тот, кто послушен, -
никому не нужен,
а жив лишь тот,
кто что-то потерял.

В черном вальсе закружился город

В черном вальсе закружился город,
утонул в бездонности ночной,
и дома – свидетели
с укором
немо смотрят на мой флирт с луной.
Что же мне осталось в мире этом -
в вихре жизни пыл свой растерял.
Глядя в небо – можно быть поэтом,
можно – видеть только материал
черной, в звездных блестках ткани,
что шуршит ночным движеньям вслед.
Тишь философических исканий -
вот удел моих грядущих лет.

БЫТЬ

Солнце огненной лавой
лижет черные тучи.
Быть – так лучшим,
помирать – так со славой.

Изъясняюсь сухо и пространно

Изъясняюсь сухо и пространно -
я напевность речи потерял.
Растранижил легкость ресторана,
тяжело тяну словесный трал.
А улова нету -
только камень
тянет в преисподнюю на дно,
где душе, ожегшейся о пламень,
углем сохранить меня дано.
Может быть, пройдут тысячелетия -
темным антрацитовым куском
буду не в камине чьем-то тлеть я,
а дам жару огненным мазком.

Я – потомок Огня

Я – потомок Огня
и его Повелитель.
Искры давних костров обогрели меня,
приобщая сегодня к энергоэлите,
той, которой нельзя,
не хочу изменять.
Электрический свет,
звездный блеск затмевая,
нам несет отголоски тех каменных эр,
где энергия -
времени грань теневая -
заполняла земной бесконечный размер.
И прессуя пространство и время собою,
концентрируясь в угольных черных пластах,
сила солнца
с трудом отдавалась в забое
тем,
кто привкус столетий
хранил на устах.
«На-гора» – антрацит,
под землю – пустоты.
И клоочет огонь в рукотворных котлах,
что гораздо мощней, чем военные доты,
выжигающие все дотла.
Обуздать эту силу, увы, как непросто,
но и это сумел-одолел человек,
подчинив электричество правилам ГОСТа,
осветив им маршрут в наступающий век.

Дуб

Время тащится мимо волоком,
все пространство съежилось в куб,
я – не зверь, но уже и не облако,
а скорее – распятый дуб.
От земли оскудевшей – не бегаю,
где посажен – там и расту.
В зной людей одаряю негою,
а зимой – уподоблюсь костру.
Я взмахну опаленными ветками,
в небо кинув охапки звезд.
После
угли черными метками
обозначат мой бывший рост.
Пусть сгорит мой ствол и дупло -
лишь бы было всем нам
тепло.

Судьба и воля

Судьба есть то, что я – могу,
а воля – то, чего желаю.
Но от себя – не убегу,
сценарий жизни – разыграю
как мне завещано творцом -
отцом и всею родословной;
я в маму, кажется, лицом,
подстать душе немногословной.
Но что-то свыше мне дано -
возможность слышать третье время,
быть разом с прошлым заодно,
неся грядущего беремя.
Я все, что мыслимо, вмещу
в свою вместительную душу,
пускай потом не все сыщу,
но пред неведомым – не струшу.
Мне все известно наперед
и даже то, что не случится.
Перехожу я стрежень вброд,
и подо мной вода лучится
сияньем северной луны,
а сзади нет прилипшей тени.
И горных высей валуны
покрыты мхом былых растений.
Я – не ведом, я сам иду
любимым возможностям навстречу,
и не в раю и не в аду
меня земной застанет вечер.
Нет, в паутине страстных мук
я не запутаюсь бесславно,
а разорву порочный круг,
чтобы пройти тропой главной.
Пусть на феномены скупа -
душа, внутри меня пылая,
влечет, куда велит судьба,
куда я сам того желаю.

Ветер по крышам зубами скрежещет

Ветер по крышам зубами скрежещет,
дождь по лицу
как пощечиной хлещет,
мозг будоражат неясные вещи,
в скрипе деревьев -
два голоса вещих.
Первый пророчит грядущую осень,
мокрое небо, забытую просинь
и в наказанье, что бога забросил,
вечный покой у подножия сосен.
С ним не согласный -
второй мне пророчит
белую трепетность свадебной ночи,
беглую россыпь задиристых строчек
и ... наваждение мартовских почек.

Что Истина?

Что Истина? -
Не плод ума,
не дар духовных размышлений.
Она -
мой посох и сума,
и бытие труда и лени.

Приобретения

Приобретения -
тюрьма,
взведенная до совершенства.
О, расточительство ума –
не знаю большего блаженства.

Звук звезды

Звезда – путеводитель по Вселенной,
мое второе – в этом мире – Я.
И музыкой неслышной и нетленной
звучит в душе космический рояль.

Год назад

Год назад
в такой же душный вечер
я глядел в закрытое окно,
как на небе вспыхивали свечи
грозового дерзкого кино.
Столько было страсти в той картине,
столько неподдельного огня,
что виденье то живет поныне
на сетчатке глаза у меня.
Что – случайность
или закономерность:
в тот же день и даже в тот же час
небо год спустя опять разверзлось,
фейерверками молний облачась.
Мечутся запаленные стрелы
в грозогласной суете огня,
возвращая к ранам застарелым,
возвращая к прошлому меня.
Снова та же мысль сжимает лоб мне,
чудится: еще, еще чуть-чуть,
голова не выдержит и лопнет,
и оттуда вывалится Чудь
в родовом кровавом облачении,
новою Палладой становясь —
и утратит Зевс свое значенье,
и прервется временная связь.
Повторюсь ли я судьбой иною,
чтобы в сонме замыслов и сил
смог допеть оборванные мною
в этот час грозы
фа, соль, ля, си.
06.06.95 г.

Все-не вдруг

Не убий, не лги, не укради,
не прелюбодействуй, не завидуй.
Да хоть сотню «не...» нагороди,
не они мою составят свиту.
Я нещадно годы воровал,
врал себе, что впереди их много,
всех красивых женщин ревновал,
бесхребетно плавал как минога.
Не был богомольцем и святым,
никогда ни в чем не знал запрета,
жил разнообразьем суеты,
вторя алогичности Парето.
Лишь теперь, итожа жизни круг,
чаще-мысля,
поступая – реже,
понимаю:
все – не вдруг,
в хаосе всегда есть стрежень.

Нечет – чет

Мне солнце щекочет закрытые очи
и ветер забытость сметает с ушей,
я весь обескровлен,
я весь обесточен,
свинцовой пластинкой —
экран на душе.
Но кровью наполнены гроздья рябины,
и сок свежеструйно по жилам течет;
в глазах полыхают живые рубины,
и жизнь -
то ли «нечет»,
но более «чет».

С

Зачем к тому скоплению стихов

Зачем к тому скоплению стихов,
которых больше чем на солнце пятен,
еще мои.

Без слов

я каждому понятен.

И все же труд писать стихи

мне тяжек, но приятен.

Мне было 20 лет когда-то

Мне было 20 лет когда-то,
я плыл как «облако в штанах»,
но явно было маловато
мне неба в четырех стенах.
То нарывался на закаты,
в рассветы тыкался впотьмах,
то звезды прятались в томах
стихов моей «Махабхараты».
Прошли года. Я стал взрослее,
умней, практичнее и злее.
Но, взгромоздясь на пьедестал,
мечтать отнюдь не перестал
душой прорваться в ноосферу,
соединив и мысль и веру.

Распахнуто окно

Распахнуто окно -
не надышусь.
Душа-
отдушина для ноосферы.
Я верую
и не стыжусь,
пусть даже верую в химеры.

Грустят о прожитом глаза коровьи

Грустят о прожитом глаза коровьи,
его – не отжевать, не отдышать.

Все застраховано:
имущество, здоровье
и даже жизнь.

Но только не душа.

Четыре строки

Четыре строки -
это песня в четыре руки.
Начало – за мной,
остальное – оставлю другим.

Мы от Зевса и Геры

Мы от Зевса и Геры
ведем родословную нить.
Дорогие химеры
тоже надо хранить.

Это очень непросто

Это очень непросто -
нести голову
выше собственного роста,
голому
наряднее выглядеть,
чем в рубашке со смокингом,
трезвому
быть веселее, чем с допингом,
резвому коню быть рядом,
выгладить траву взглядом,
солнцу нашептывать стихи,
стихии сделать друзьями.
А вы попробуйте сами.

Бегут по полям автострады

Бегут по полям автострады,
растут вместо трав этажи,
но в сердце не светится радость.
Умом дохожу: это жизнь,
но все же,
но все же,
но все же
нельзя все полезностью мерить,
есть что-то иное, дороже,
во что невозможно не верить.

Голубее голубой голубы

Голубее голубой голубы
воздуха восторженная высь.
Ты по-детски гениально глупым
сам себе в весенний час явись.

Счастье вскричало

Счастье вскричало: «Эй, эй!
Ты выходи поскорей,
я мимо дома пройду,
буду у всех на виду.
Если сумеешь узнать,
если сумеешь догнать,
буду всегда я с тобой,
стану твоею судьбой».
Выбежал из дому я,
вот ведь простак: каково?
Нету вокруг никого,
нет, окромя... воробья.

Мы чтим святых

Мы чтим святых,
но подражаем сильным,
тем, кто догматы старые поправ,
не падал ниц Христу в проулке пыльном,
а в спор вступив, оказывался прав,
зовя людей не к вечному смирению,
а к проявлению собственного я,
любя себя, любя свои творенья,
все тяготы и радость бытия.

Ко мне в раскрытое окошко

Ко мне в раскрытое окошко
влетел шустряка-воробей.
Ну, что же, здравствуй. Не робей.
Давай поговорим немножко.
Что, любопытство привело
тебя в домашнюю обитель,
иль потянуло на тепло,
а может, кто тебя обидел?
Не скажешь ты. Я тоже, друг,
не все сказать тебе сумею.
Но броситься к тебе на шею
мне захотелось что-то вдруг,
прижаться к маленькой груди,
где бьется сердце ретивое.
Теплей от мысли, что нас двое.
Не улетай же. погоди.

Луна всю ночь читала мне стихи

Луна всю ночь читала мне стихи,
слезинки на ресницах звезд дрожали.
Сомлев, сторожевые петухи
гортанным криком даль не раздражали.
Но не проникшись благостью ночной
я канул в сон усталый и тревожный:
а ну как небо взъярится войной
движением руки неосторожной.
И звездный лазер мне вопьется в плоть
своим мильоноградусным кинжалом,
и вздумает нейтроном прополоть
живое, чтоб земля как труп лежала.
Нет, мы не петухи.
Нам не до сна.
Чтоб мир не уподобился калеке,
чтоб никогда не прервалась весна,
я стану утром кукарекать.

Господи! Ты мне снишься ночами

Господи!
Ты мне снишься ночами,
я тебя не прошу ни о чем,
упиваюсь твоими речами,
днем насытившись кумачом.
Говори, говори, говори же,
проникай в меня словом-лучом,
но не лозунговым мудрокнижием,
от которого не горячо.
Проникай в меня жгучей молитвой,
чтоб в расплаве слились я и ты
дай мне новые силы для битвы
с серым змием пустой маяты.

Белая коралловая прихоть

Белая коралловая прихоть
по ветвям деревьев расплзлась.
Медленно, таинственно и тихо
надо всем приобретая власть.
Старый месяц смотрит сиротливо,
как на беломраморном снегу
нежным перламутровым отливом
вспыхивают звезды на бегу.
Я бреду по звездам и кораллам,
с красотой душу породня.
Не хочу, чтоб сказка отгорала
с наступленьем трудового дня.

Как другому – не знаю

Как другому – не знаю,
а себе не прощу поражения,
выпив горькую чашу до дна, я
возьму этот камень,
что значитса воздухом,
и брошу его в свое отражение.
Пусть осколки звенят
колокольными звонами,
их малиновый пламень
не ведает отдыха. Про мое «возвращение»
не-друзья прозвонят
меж собой телефонами,
отпоют, отхихикают:
был, мол, смел,
да не смог.
Смог московских мокрот
в рот набился -
не сумел
вынести,
не сумел выгрести -
о воздух разбился.
А ходики тикают,
о себе мня
и других маня -
без меня.

Что-то хищное в нас – человеках

Что-то хищное в нас – человеках,
не траву мы, а мясо едим.
И в бинокли двадцатого века
мы себя в себе не разглядим.
В нас кипучая жажда – стремиться ...,
а куда – разгадать я не смог.
Наша жизнь талой струйкой дымится,
уплотняя над будущим смог.

На белый снег ложатся

На белый снег ложатся памяти штрихи,
на белый лист
ложатся белые стихи.

Из земли растет

Из земли растет
белый хлеб,
из земли вырастает
черная мысль.
Мое тело
словно янтарный склеп
на одной из половин
коромысл.
На другой -
пролетевшее тысячелетие верст
скопище стылых звезд.

Солнце проплыло

Солнце проплыло
с востока на запад,
путь повторяя древнейших племен,
несших и крови и пряностей запах,
не оставляя в скрижалях имен.
Все Мы – оттуда, с восточных окраин,
с гор Гималайских, с индийских
равнин,
хоть утверждают и поп и раввин:
наш прародитель – не Авель, а Каин.
Родина ж наша – монгольские степи,
жизнь мы вкусили – в пещерах Саян.
Это потом уже Гришка Отрепьев
смуту затеял в семействе славян.
День завершается.
Солнце – к закату.
Ждем как награду,
ждем как расплату
мы азиатски коварную ночь.

Повторимость

Громоздятся стихи
словно новые микрорайоны,
так похожи на отзвук
давно уже сказанных слов.
Уезжаешь и вновь возвращаешься
к тем же перронам. Так куда и зачем
меня все это время несло.
Повторимость.
Она иногда пострашнее коррозии,
разъедая живые и чуткие стенки души
И стихи уступают дорогу
размеренной прозе,
и без пользы крошатся
цветные карандаши.

На стеллажах расставлены тома

На стеллажах расставлены тома
еще мной не написанных стихов,
где ясность слов еще укутана в туман
чужих достоинств и своих грехов.
Еще в себя я впитываю зной
чужих страстей и эхо прошлых лет,
еще на трассе жизни скоростной
я повторяю их – ушедших след.
Но... собственную скорость я набрал,
и собственная вяжется стезя.
И голос мой прорезался: пора,
и замолчать уже нельзя.
Нельзя.

Я никогда не верил богу

Я никогда не верил богу
и даже в самый тяжкий день
не звал, ей-богу, на подмогу
его спасительную тень.
Не верю в рождество Христово
и в яростной молитвы плач,
и жаркой проповеди слово
не скроет нас от неудач.
Но через все мое неверье
летит с душою в унисон,
роняя золотые перья,
колоколов цветастый звон.
Я стал торжественен и чуток,
всему дурному стал чужой
и верую в большое чудо,
что русской значитесь душой.

Волна волнуется

Волна волнуется,
свиданья с ветром ищет,
который только что ее боготворил,
но насладившись улетел ветрище,
не зная ни руля и ни ветрил.
Куда податься – высказать обиду,
а боль и горечь давят на висок.
Усталая потрепанного виду
волна вползает тихо на песок.
Надежный берег словно дом родимый,
легка его отцовская рука.
Но... страсть и в тихой заводи хранима
до нового призыва ветерка.

Дух поэзии так редок

Дух поэзии так редок,
лес поэзии так густ.
Для иных поэтов – кредо:
посадить свой личный куст.
Я стихи писать не бросил, мне они – по трудодням.
Но готов я унавозить почву следующим пням.
Может быть, прививкой новой
кто-то вымахает вверх,
и моей первоосновой
соизмерит свой успех.

Сказки

Пустое – натянув потуже лук
и запустив стрелу аж в поднебесье,
ждать, упадет она когда-то вдруг
к лягушке, твоей будущей невесте,
иль ветра неумного порыв
стрелу отклонит от заветной цели.
Ах, сказки, сказки,
миру мир открыв,
во мне вы первозданно уцелели.
Я верю вам, как верил до сих пор,
но вовсе не спасенью в утешеньи.
Я с вами вел серьезный разговор,
учась у вас игре воображенья.
Так пусть стрела моя летит, летит,
я вслед за ней пойду хоть на болото,
когда надеждой впереди блестит
зовущее меня куда-то что-то.

Оригинальность

Оригинальность –
еще не гениальность.
Банальность
со времен Диогена.
Но гена
такого остатки
прячутся где-то в подкладке,
и заполняют тетрадки
заковыристые стихи -
всех стихий
вместилище,
разом ад и чистилище.
В их пыли ищи -
свищи
мысли яркие.
В скороварке я
нахожу лишь одни потрохи.

Летают неопознанные блюдца

Летают неопознанные блюдца
над все еще непознанной планетой,
и бьются люди в поисках ответа
на то, что было, и на то, что будет.
Гипотезы застыло остаются
лишь на зиму опорой под ногами
и разольются тальми снегами,
когда новь фактов жаром их разбудит.
Спешим менять сужденья как одежду,
то отрицая все, то соглашаясь,
к первоосновам прежним возвращаясь,
тая в себе обманную надежду,
что день грядущий знаем наперед.
Но... день грядет,
и все наоборот.
Опять загадки задают нам блюдца,
и в поисках ответа люди бьются.

Мне мало, мало, мало, мало

Мне мало, мало, мало, мало,
не мяса, булок, молока -
того, что в душах задремало
и лишь щекочет нас слегка,
того, что может ураганом
нас бросить к звездам и на дно
давно не мытого стакана,
того, что каждому дано
без порционного расклада
и без лимита скоростей.
Как мало в нас, как много надо
нам дефицитнейших страстей.

Рассвет уткнулся мокрыми боками

Рассвет уткнулся мокрыми боками
в слежавшееся стадо облаков.
Кусты как овцы разбрелись по скалам
и щиплют осыпи губами корневищ.
Медео. Не тебя ль судьба ласкала,
что ж ныне ты как урна для плевков
лежишь, людьми забытый и богами,
и голоден и нищ.

Христу и Ярилле как правнук

Христу и Ярилле как правнук.
В родне – все народные сплошь
Я все принимаю за правду
и даже стоустую ложь.
Я ею наполню карманы,
как медом усы промокну.
Но верой, как эхом дурмана,
насытить себя не смогу

Мы похожи на муравьев

Мы похожи на муравьев.
Много нас на большой поляне.
Каждый тащит что-то свое,
рассуждая об общем плане.
В каждодневных трудах и бегах,
все в заботе о хлебе насущном
мы теряем себя в веках,
забывая о нашем сущем -
человечьей артельной душе,
не запятнанной копотью винной
и напраслиной муравьиной
не затертой еще и уже.

Наука – лишь катализатор жизни

Наука – лишь катализатор жизни,
а не сама действительная жизнь.
Но без нее действительность закиснет.
Не прячься, мудрость,
делом обнажись.

Мы тщимся слышать, не желая слушать

Мы тщимся слышать, не желая слушать,
хотим увидеть, не учась смотреть.

Как часто знания
бесполезно служат,
а сказки
помогают нам мудреть.

У каждого из нас есть право жить

У каждого из нас есть право жить,
дружить, служить, мечтами дорожить,
но нету прав у нас
крушить, глушить, душисть
чужую жизнь.

В проявлениях жизни

В проявлениях жизни
не сыскать изначальной причины,
и божественный смысл не причем
в зарожденьи моем.
Все по кругу: выходят мальки из личинок,
раскрывают бутоны объятя
и встречаются люди вдвоем.

Я еще не разучился плакать

Я еще не разучился плакать,
удивляться, верить в чудеса
и в наитоскливейшую слякоть
видеть голубые небеса.
Сквозь меня пройдя,
как через призму,
радугую блещет свет земной.
Я горжусь подобным атавизмом
Дай бог, чтоб он был
всегда со мной.

Ты – беспечно, Вечное Небо

Ты – беспечно, Вечное Небо,
оглушенное ревом мотора,
ты к тому же еще и слепо,
если смотришь на все без укора,
если, пыль человечью глотая,
ты по принципу «хата с краю»
продолжаешь взирать равнодушно
и не вспыхнешь грозой:
«ах, как душно».

Огнепоклонцы

Средь моря равнодушия есть остров,
к нему доплыть, увы, совсем не просто.
Там нет ни райских кущ,
ни пенья птиц.
И нет ни жаб голодных, ни мокриц.
Средь скал холодных,
глядя в неба раструб,
там ждут огнепоклонцы Зороастру.

Артисту

В сердцах из немой целлюлозы
неясною каплею вдруг
живые появятся слезы,
как отзвук на Вашу игру.

Слой облаков по-весеннему тонок

Слой облаков по-весеннему тонок,
слезы дождя источает несмело;
серое утро, как гадкий утенок,
станет к обеду лебедем белым.

Что человек – пигмей в своем величьи

Что человек – пигмей в своем величьи,
иль великан в ничтожности своей?
Меж тем и этим нет, увы, различья,
коль нет границ отсчета для идей.

В гладких строчках не выразишь боль

В гладких строчках не выразишь боль –
порожденье колючей души.
Ты пожар потушить не спеши,
пусть сгорит то, что должно сгореть.

Играет солнце в белых кружевах

Играет солнце в белых кружевах
старинного Успенского собора,
и память многоликая жива,
кружит меня в своих объятьях споро
Я слышу белых звонниц благовест,
взывающих, сзывающих, зовущих,
я вижу лики русские окрест
и отсвет в них всех таинств в мире сущих.

Мы часто бесполезно обсуждаем

Мы часто бесполезно обсуждаем,
первично что: материя иль дух,
друг другу свое мнение насаждаем,
выпячивая лишь одно из двух.
Первично что: зима, весна иль лето,
наивность утра, вечера ли ум.
И невдомек: то ль мы идем по следу
проложенному некогда поэтом,
то ль сытость в мире празднует триумф.

Уму дано лишь частности понять

Уму дано лишь частности понять,
все разом может сердце лишь обнять.
Перед единством сердца и ума
раскроется и завтрашняя тьма.

3 и 7 – магические цифры

3 и 7 – магические цифры,
Бог не даром троицу святил,
пряча тайны мирозданья
в шифры
кругообращения светил.
Мы недельный цикл давно
раскрыли,
треугольник знаем наизусть,
цифры дарят нынче людям
крылья,
и за них я трепетно держусь.

А есть ли то

А есть ли то,
к чему стремимся мы -
иль это только яркая химера,
как призрак лета
среди седой зимы,
как во Христа спасительная вера.
Таких вопросов задано – не счесть.
Но и ответ рожден не этим веком,
на то и человек разумный есть,
чтобы стремиться стать Человеком.

Воображенье, не играй со мной

Воображенье, не играй со мной,
не строй воздушных замков и иллюзий,
с тобой не утону в печальном блюзе,
достаточно мне твердости земной.

Ночь взгромоздилась на плечи домов

Ночь взгромоздилась на плечи домов,
сны выползают из книжных томов,
жизнью чужой хороводят у глаз,
чтобы рассудка огонь не погас.

Фланируют яркие тени

Фланируют яркие тени,
стараясь не вляпаться в грязь.
Вершиною страстных хотений -
нашлепкой фирмовой гордясь.

Слова

Слова,
как наклеенные ресницы,
красиво цепляются друг за друга,
но мешают видеть суть.

Божество – убожество

Божество – убожество,
черная доска.
На душе – тоска.

Я вчерашним быть бы не смог

Я вчерашним быть бы не смог,
быть бы завтрашним – не сумел.
Позади – смоляной смог,
впереди туман – мел.
Лишь сегодняшнему служа,
ощущает себя душа.

Стремится вверх воздушный шар мечтаний

Стремится вверх воздушный шар мечтаний
и тянет вниз привязанность к делам.

Я – пополам.

Меняются местами

мечта и явь.

В смешеньи их – бедлам.

Ты жизнь,

поправ ошибку вычитаний,

вдоль вектора

в грядущее направь.

Мне сняться звоны колокольные

Мне сняться звоны колокольные
малиновые и горчичные,
в них что-то празднично-раздольное,
в них что-то нутряное – личное.
Под этот звук я с Русью венчанный,
с ее ухабами и храмами.
И сказками очеловеченный,
и распят жизненными драмами.
Сквозь жаркий гром
ракет космических,
сквозь шлягерные театральности
я слышу благовест мифический,
как знак благих вестей
в реальности.

Слово потомка

Не вздыхаем, не клянем, не ропщем,
с прошлого срывая пелену.
Не изъять из памяти всеобщей
взбитую тревогой старину,
конными и пешими рядами
всю перелопаченную Русь,
не изъять, что было с пра-дедами,
осуждать которых не берусь.
Вятичи, древляне и поляне,
скифы, и варяги, и Орда.
На Руси как на большой поляне
по соседству ваши города
воздымались, падали и снова
жгли друг друга, сияясь и ярясь.
Не могу хулить сегодня словом,
не к лицу бросать мне в предков грязь.
Кто из них был прав, а кто – виновен,
я им – не всевышний судия.
Все они в своей первооснове
были мне и братья, и дядя.
Дружба и вражда перемежались,
рядом по истории снуя.
На Поляне все перемешались,
и для всех их стал потомком я.
В кровь свою вобрал я все кровины,
ничьего родства я не стыжусь.
Все соединила воедино Родина моя – Большая Русь.

Буква «О»

(по А. Вознесенскому)

О – округлое как озеро
и как остров одинокое,
одинаково на Оudere,
и на Волге, там, где окают.
О-в обойму слова встроено
как восторг и как воззвание,
как оружие у воина,
объявившего восстание.
О – как облако сомнения
как осина осторожная,
обоженное осеннее
опахало подорожное.
Пень, опятами опрысканный
от обилия обабился,
подосиновик отысканный
мне обиженно ослабился.
Бор как «О» насквозь пронзительный,
воздух словно нож заточенный
озонирует пользительно,
опьяняет очень-оченно.
О – как хор, многоголосица
океанно необъятная:
то как шторм она проносится,
то – овалово опрятная.
О-в строю и одиночестве
по-соседски с всеми дружная.
Потому зову по отчеству
эту букву очень нужную.

Еще раз про «О»

Облокотилось облако о балкон,
с рассветом ссорится сырость серая,
и мысли ... из малокалиберки – в молоко,
но в утро всенепременнейше верую.
Тянутся тени и тонут в тайне,
нежась в нижнем, неизбежность чую:
сонную стынь кочергою корчуя,
словно восстание, солнце встанет.

В воздухе предчувствие погони

В воздухе предчувствие погони,
на углу – встревоженный огонь,
на лугу – стреноженные кони.
Что ж ты медлишь, мой заветный конь
Без тебя отстану от друзей я,
от врагов не оторваться мне.
Мой крылатый конь – моя Россия
в летаргическом пока что сне.
Не от громких слов ты пробудишься,
не витиям быть в твоём седле.
Ты чутьем природным убедишься
в правде дела и словесном зле.
И как необъезженному зверю,
что любые пути оборвет,
я в Россию верую и верю.
Просыпайся и... вперед, вперед.

Вечер розовый

Вечер розовый
как кожура недоеденного граната,
измочаленный
как вывалившийся из очереди,
погоди, не уходи,
не надо.
Ночь – не гляди.
Во мне еще не разорвалась
стихов
последняя граната,
осколки которой
оставляют незаживающие шрамы
слов
на белой бумаге. Я -
не готов.
Магия
вечерней панорамы
смешала прошлое и грядущее.
Смесь все гуще и гуще. Я
или погрязну в ней
как загдохшее семя,
или, вырвавшись, стану сильнее,
чем неумолимое Время.

Видно душу

Когда работа требует силенок,
горячий пот стекает по спине,
когда тепло целует как теленок,
душа сыта и спит на глубине.
Но если осень холодом повеет,
разворошит улыбкою ехидной,
душа становится подвижнее, живее,
на холоде дыхание парит.
И обнаженную тогда в нем душу видно,
которая себя на свет явит.

Нет, не боюсь я перехода

Нет, не боюсь я перехода
из буйства дел в дремотный
штиль.

О, как бывает мне охота
всю суматошность сдать в утиль
и безмятежным океаном,
внимая звездам и луне,
пить вечность лопнувшим стаканом,
ища себя на глубине.

Совесть

Ты скажи мне, пожалуйста, совесть моя,
почему извиваешься словно змея,
почему ты шипишь на меня всякий раз,
будто я размозжить тебе череп горазд.
Я тебя не лелею как нежный цветок,
я тебя не храню как любимой платок,
может быть, я порой забывал про тебя,
без почтения делами тебя теребя.
Может быть, на тебя иногда и роптал,
только грязной ногой никогда не топтал.
Я прощенья грехов у тебя не прошу,
перед тобою не стану плаксиво гнусить.
Но расстаться с тобою совсем не спешу,
как носил тяжело, так и буду носить.

А время тает словно лед

А время тает словно лед
на наковальне солнца,
седой окалины налет
на сердце остается.
Как коротка ты, жизнь моя:
еще слышны истоки,
а я линияю как змея
и подвожу итоги.

Душа – как воздух

Душа – как воздух,
не спрячешь в ладони,
чтоб после насытиться ей не спеша,
от Балатона до Каледонии
полмирозданья вместила душа.

Вечер

Вечер на плечи мои опускает холодные руки.
Подруги – березы
уже ворковать перестали.
Устали,
уснули машин голоса.
Глаза
любопытных окошек закрылись.
На крыльях
летучих мышей приближается ночь
Прочь, -
я звоню в канцелярию Времени, -
прочь,
еще день не умер.
Мой день – он не умер.
Но зуммер
молчит.
Нет ответа.
В ночи
беззвучный мой крик тонет где-то.
И в черную мантию кто-то одет,
ко мне приближается.
Нет,
я не боюсь.
Пусть
на улице стало темней.
Во мне
день продолжается,
жизнь продолжается.

Если закат красив

Если закат красив,
значит он нужен.
Курсив отутюжен
мыслью.
Мыслью
о красивом как о живом.

Раннее утро выгнулось шеей лебязьей

Раннее утро выгнулось шеей лебязьей,
первым ноктюрном не тронуты
струны берез.

Ах, тишина, тишина. Это я ж ей
душу свою как неспетую песню принес.

Заневестились яблони

Заневестились яблони,
примеряя фату,
поцелуями-каплями
прижимаясь к дождю.

Как тягостны минуты ожидания

Как тягостны минуты ожидания,
как сладостно мгновение взлета.

Сообщенье – это со-общенье

Сообщенье – это со-общенье,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.